

УДК 330.342.3

А. В. Кашенов

Институт демографических исследований
ФГБУН Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
Москва, e-mail: avkash@list.ru

30 ЛЕТ БЕЗ СССР. ЧАСТЬ 2. КРИЗИС 1990-Х ГОДОВ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Ключевые слова: реформы, программы реформ, трансформационный кризис, геоэкономический кризис, количественная оценка последствий, недопроизводство ВВП.

В статье производится теоретический обзор и анализ «Вашингтонского консенсуса», Программы «500 дней» и первой программы правительства РФ после развала СССР. Рассматривается вопрос о том, насколько эти программы могли быть эффективны в конкретной постсоветской ситуации после революции 1991 года. Рассматриваются теории «трансформационного» кризиса и аргументируется позиция, что трансформация, переход к рынку и экономический кризис 1990-х годов не являются «причиной» и «следствием». Причиной кризиса является геоэкономический шок 1991 года, который в том числе охватил страны со зрелой рыночной экономикой, которые были частично интегрированы с СССР. Рыночные реформы лишь частично ускорили и продлили кризис в тех случаях, когда они носили неуместно быстрый (шоковый) характер, или вообще имели идеологическую подоплеку вместо экономического обоснования. Предлагается методика количественной оценки последствий революции 1991 года и экономического кризиса 1990-х годов, основанная на сопоставлении реальных статистических рядов ВВП по 15 странам бывшего СССР за 1991-2020 гг. с гипотетическим рядом роста данного показателя, каким он мог бы быть при сохранении среднего мирового прироста в 3% годовых.

А. V. Kashenov

The Institute of Demographic Research of the Federal State Budgetary Institution of Science of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow,
e-mail: avkash@list.ru

30 YEARS WITHOUT THE USSR. PART 2. THE CRISIS OF THE 1990S AND ITS CONSEQUENCES

Keywords: reforms, reform programs, transformational crisis, geo-economic crisis, quantitative assessment of consequences, under-production of GDP.

The article provides a theoretical review and analysis of the Washington Consensus, the 500 Days Program and the first program of the Government of the Russian Federation after the collapse of the USSR. The question of how effective these programs could be in a specific post-Soviet situation after the 1991 revolution is being considered. The theories of the “transformational” crisis are considered and the position is argued that transformation, transition to the market and the economic crisis of the 1990s are not “cause” and “consequence”. The cause of the crisis is the geo-economic shock of 1991, which also affected countries with mature market economies that were partially integrated with the USSR. Market reforms only partially accelerated and prolonged the crisis in cases when they were inappropriately rapid (shock) in nature, or even had an ideological background instead of an economic justification. A methodology is proposed for quantifying the consequences of the 1991 revolution and the economic crisis of the 1990s, based on a comparison of real statistical series of GDP for 15 countries of the former USSR for 1991-2020. with a hypothetical growth range of this indicator, what it could be if the average global growth rate of 3% per annum is maintained.

Введение

В первой части (статье) нашей работы мы выдвинули гипотезу о том, что социально-экономический кризис в бывших республиках СССР в 1990-е годы и последующий период был вызван революцией 1991 года и разрушением единого экономического пространства. Власти большинства республик после этих событий перешли к радикальным

реформам, не дав своим экономикам восстановиться после революции. Таким образом, общество и экономика республик испытали двойной удар революции и реформ, которые вошли в резонанс, усиливая кризис и увеличивая его продолжительность. На постсоветском пространстве сформировался сложный конгломерат реформаторских политик, в котором процессы послереволю-

ционного восстановления экономики (что должно было быть приоритетной задачей) сопровождалось институциональными изменениями, потенциально полезными в перспективе, но также дополнялись и экспериментами по «пересадке» на местную почву тех западных институтов и практик, которые в данной ситуации усугубляли разрушение экономики. В этой части работы рассмотрим некоторые программы реформ, и основные последствия событий 1990-х гг.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Программы реформ и их реализация

В основе реформ в Восточной Европе и бывшем СССР лежал так называемый «Вашингтонский консенсус». Это набор рекомендаций английского экономиста Джона Уильямсона, предложенный в 1989 году как свод правил для государств Латинской Америки [1]. Основные рекомендации «Вашингтонского консенсуса» были следующие:

1. Поддержание фискальной дисциплины (минимизация дефицита бюджета);
2. Приоритетность здравоохранения, образования и инфраструктуры среди государственных расходов. Минимизация поддержки и субсидирования предприятий;
3. Снижение предельных ставок налогов, расширение сферы налогооблагаемых субъектов;
4. Либерализация финансовых рынков для поддержания реальной ставки по кредитам на невысоком, но всё же положительном уровне;
5. Свободный обменный курс национальной валюты;
6. Либерализация внешней торговли (за счёт снижения ставок импортных пошлин);
7. Снижение ограничений для прямых иностранных инвестиций;
8. Приватизация государственных предприятий и госсобственности;
9. Дерегулирование экономики;
10. Защита прав собственности.

В СССР и РФ накануне и после революции 1991 года был подготовлен ряд программ реформирования экономики. Программа, известная как «500 дней» (такой период указывали авторы для осуществления реформ) была разработана рабочей группой под руководством академика С.С.Шаталина, при участии Г.А.Явлинского и других экономистов из всех союзных республик. Про-

грамма предусматривала сохранение СССР, в ней декларировались разгосударствление экономики, право на частную собственность, развитие конкуренции, преодоление монополизма, постепенный переход к свободным ценам и конвертируемости рубля, право граждан на социальные гарантии, право предприятий на свободу экономической деятельности [2]. В составе Программы были разработаны подпрограммы – об экономических отношениях между центром и республиками, о государственной контрактной системе, развитии банковской системы, налоговой политике, внешнеэкономической политике, промышленной политике и развитии технологий и другие.

Непосредственно в период революции Правительство РСФСР (здесь и далее при использовании данных об опыте других республик это обговаривается отдельно) действовало без программы, если не считать таковой речь Б.Н.Ельцина 28.10.1991 на V съезде народных депутатов, основанную на принципах «Вашингтонского консенсуса» и оперативных рекомендациях группы советников США под руководством Дж.Сакса [3] и А.Ослунда [4]. Радикальная либерализация цен была осуществлена 2 января 1992 года в соответствии с Указом Президента РСФСР от 03.12.1991 N 297 «О мерах по либерализации цен» [5], в результате чего 90% розничных цен и 80% оптовых цен были освобождены от государственного регулирования. Результатом была замена тотального дефицита на гиперинфляцию. Далее были приняты нормативные акты по либерализации внутренней и внешней торговли, свободного обмена рубля на иностранную валюту, приватизации государственных предприятий.

Первая официальная программа Правительства РФ и ЦБ РФ была выпущена в марте 1992 года под названием «Меморандум об экономической политике Российской Федерации» и позиционировалась как документ для МВФ [6]. Основными пунктами Меморандума были продолжение либерализации цен (п.2), ускорение приватизации государственных предприятий (п.3), ужесточение финансовой политики (жесткое секвестирование бюджетных расходов) (п.5), резкое сокращение денежной массы (п.6), продолжение либерализации внешней торговли (п.7), обязательное обслуживание внешнего долга (п.8), установление потолка бюджетных расходов на субсидии потребителям

(п.17), сокращение пособий по безработице (п.19), предотвращение роста заработной платы (п.34).

2. Природа и особенности экономического кризиса 1990-х годов

В 1990-е годы, когда стало ясно, что кризис уже не может быть списан на прошлые ошибки правительства СССР, а стал постоянным состоянием общества, во власти начались поиски его наименования и объяснения. Традиционные теории экономических кризисов – кейнсианская и монетаристская – не подходили, хотя российские ученые указывали на то, что недостаток совокупного спроса из-за жесткой экономики государственных расходов и дефицит денежной массы из-за рестриктивной монетарной политики – это «шоковые» факторы, которые отрицательно влияют на экономику.

Наиболее подходящей для властей РФ оказалась теория «трансформационного спада» Я.Корнаи. Я.Корнаи, обобщая венгерский опыт, выделял следующие причины кризиса: «1) переход от рынка продавцов к рынку покупателей, 2) трансформация реальной структуры экономики, 3) нарушение координационных механизмов, 4) макроэкономические последствия ужесточения финансовой дисциплины, 5) отсталость финансовой системы» [12, с.39]. В отличие от его российских интерпретаторов, Я.Корнаи признает в качестве важного фактора не только эти причины, но пишет, что у него «нет сомнений, что из всех событий, вызвавших рецессию, серьезное падение торговли с бывшими странами СЭВ, включая распад бывшего советского рынка, вызвало наибольшие потрясения» [12, с.58]. В целом позицию Я.Корнаи можно понять не так, как это сделали его российские последователи в 1994 году – что кризис во всех странах является обязательным следствием перехода к рынку, а более конкретно – что кризис возник в Венгрии во время перехода к рынку. Между «вследствие трансформации» и «во время трансформации» – огромная разница, которую до сих пор маскируют российский «реформаторы» в своих публикациях.

Некоторые авторы серьезных исследований кризиса приняли на веру официальный тезис о «неизбежности» спада производства при переходе к рынку. Как писал, например, В.М. Полтерович в работе «Трансформационный спад в России» - «происходящий в России процесс трансформации бывшей

плановой экономики характеризуется исключительно резким и длительным падением производства при сравнительно медленном увеличении безработицы, кризисами неплатежей и быстрой инфляцией» [13, с.54]. В.М. Полтерович признает одним из факторов кризиса «разрыв хозяйственных связей между странами СЭВ, бывшими советскими республиками и регионами России», но не придает этому процессу решающего значения [13, с.57]. В публикации 2021 года А.Г. Аганбегян отмечает, что «в целом за тридцатилетний период валовый внутренний продукт увеличивается на 15% (2019 г. в процентах к 1990 г.). Для сравнения: за эти годы экономика Евросоюза увеличилась в 2 раза, США – в 2,5, а развивающихся стран во главе с Китаем – в 7. В связи с этим рейтинг России по уровню экономического и социального развития сократился» [14, с.30]. А.Г.Аганбегян предлагает восстановить систему народнохозяйственного планирования, стимулировать инвестиции в новые технологии и человеческий капитал, перейти на накопительную систему пенсий и осуществить ряд других секторальных реформ [14, с.72].

Понятие «системного кризиса» было заимствовано общественными науками из системного анализа как раздела математики, где означало хаос, возникающий вместо упорядоченности, дисфункцию управляющей подсистемы по отношению к управляемым подсистемам. Большинство экономистов, использовавших этот термин как альтернативу «трансформационному кризису» считали причиной спада производство разрушение советской политической системы и подсистемы управления хозяйством (Госплана), некоторые имели в виду под словом «системный» – всеобъемлющий кризис, который охватывает все общество и не сводится к макроэкономике и финансам. Это последнее прочтение математического термина было полезно, так как его авторы призывали правительство перейти от «макроэкономической стабилизации» к восстановлению производства и социальной сферы.

Как уже было несколько раз повторено в наших статьях, соглашаясь во многих деталях с Я.Корнаи и другими исследователями кризиса 1990-х годов, мы считаем, что этот кризис надо диагностировать как послереволюционный и геоэкономический. Кризиса переходного периода не было во время глубокой институциональной перестройки

экономик Китая, Вьетнама, а также Германии и других стран, которые преодолевали тоталитарное наследие после II Мировой войны. Напротив, как только начинался переход, кризис в этих странах, если он был, заканчивался. Но кризис в начале 1990-х гг. был в Финляндии и других странах, не испытавших рыночной трансформации, но попавших в геоэкономическую воронку разрушения СЭВ и СССР.

Это вербальные аргументы. Доказать теорию «геоэкономического кризиса» математически затруднительно. Для этого следовало бы создать универсальную (воспроизводимую на данных разных стран и регионов) модель «экономического пространства» и затем проверить, как она реагирует на стрессы и разрушение.

Основные результаты попыток выполнения программ реформ после развала СССР, наблюдавшиеся в начале 1990-х годов, были следующие:

1. Продолжение формирования частной собственности, частного сектора, предпринимательского сословия и соответствующего законодательства, начатого в СССР в 1987-1988 гг. То есть – выращивание институтов рыночной экономики, что было необходимо и правильно. Но одновременно формировался теневой сектор экономики, расширялась криминальная сфера и коррупционные практики в государственном управлении.

2. Развал финансовой сферы. Началась гиперинфляция, рост цен в 1992 году составил 26,1 раза [7, с.9]. Помимо ранее допущенных ошибок союзного правительства в финансовой сфере, которые привели к скрытой инфляции и углублению дефицита, новыми факторами стали шоковый (единовременный) характер либерализации цен и после-революционный развал производства в реальном секторе экономики. Значительный компонент индекса потребительских цен в 1990-е годы приходился на цены и тарифы государственного сектора (транспорт, связь, жилищно-коммунальное хозяйство), поэтому рыночные ограничительные методы борьбы с инфляцией ЦБ РФ мало на нее влияли, зато приводили к резкому падению обеспечения экономики кредитными деньгами. Демонетизация лишала предприятия оборотных средств, вынуждала переходить на бартер, снижала предложение товаров и таким образом подстегивала инфляцию. Таким образом, образовалась спираль, в которой монетарные антиинфляционные меры фактически стиму-

лировали инфляцию. Распад рублевого оборота в сочетании с либерализацией валютного рынка привели к формированию трех параллельных систем обращения – рискованной рублевой, надежной бартерной и самой надежной валютной. Сохранение «рублевой зоны» СНГ в 1991-1993 годах приводило к тому, что республиканские ЦБ бесконтрольно эмитировали рубли, а ЦБ РФ обеспечивал их эмиссию денежной массой, таким образом новые независимые государства экспортировали свою инфляцию в РФ.

3. Макроэкономическая дестабилизация. Резкое сокращение расходов бюджета на финансирование промышленности, которая еще оставалась государственной и не имела корпоративных механизмов финансирования, приводило к ее деградации. Помимо сокращения производства товаров это влекло за собой свертывание налоговой базы и доходов бюджета. Образовалась спираль, когда меры, формально направленные на сокращение бюджетного дефицита, фактически приводили к его росту.

4. Развал реального сектора экономики. Предприятия промышленности, строительства, сельского хозяйства, оставаясь государственными, не могли восстановиться после шока от развала хозяйственных связей в период революции, так как сокращение бюджетного финансирования, гиперинфляция, сокращение кредитования (демонетизация) лишили их оборотных средств. Прекратили свое существование многие предприятия высокотехнологичных и социально-ориентированных отраслей, выжили производители и экспортеры ресурсов. Часть бизнеса перемещалась в теневой сектор и переставала платить налоги, что углубляло макроэкономическую дестабилизацию.

5. Хаос в сферах внутренней и внешней торговли. Либерализация внутренней торговли способствовала выживанию хозяйственных субъектов и частных лиц, имевших товары для продажи. Однако качество этих товаров не контролировалось, и с их оборота не уплачивались налоги. Либерализация внешней торговли вызвала массовую продажу по демпинговым ценам всех видов ресурсов, востребованных на мировом рынке. Оставаясь без этих ресурсов, отечественные предприятия закрывались. Набрал силу вывоз капитала. По некоторым оценкам, каждый год вывозилось до 100 млрд долл., что кратно превосходило объемы экономической помощи Запада и кредитов МВФ.

6. Приватизация преследовала политические цели – «вырвать собственность у «красных директоров»». Поскольку в стране не было крупных частных собственников, способных заплатить реальную цену за предприятия, а участие иностранных компаний было ограничено, предприятия фактически бесплатно переходили в руки мелких, неспособных к эффективному управлению бизнесменов, аффилированных с властью. «Ваучерная приватизация» передавала предприятия за «приватизационные чеки», номиналом 10 тыс. рублей, что соответствовало частному от деления стоимости основных фондов 1992 года на 150 млн населения. Однако в 1992-1993 году цены увеличились в 245,3 раза, что означало «обнуление» покупательной способности ваучера к моменту его реализации. Требования ряда политиков и ученых об индексации номинала приватизационных чеков были проигнорированы. Еще более очевидной манипуляцией явились «залоговые аукционы» 1995-1996 гг., когда государство занимало небольшие суммы, порядка десятков, или сотен миллионов долларов под залог крупнейших экспортно-эффективных предприятий, реальная рыночная оценка которых составляла миллиарды долларов. «Займы» государству олигархи в ряде случаев предоставляли не из собственных средств, а за счет кредитов государственных банков. В завершение этого спектакля чиновники «отказывались» от возврата займов и гигантские эффективные предприятия («Норильский никель», нефтяные компании и т.д.) фактически бесплатно переходили в частные руки. Приватизация не привела к росту экономики, повышению производительности труда и пополнению государственного бюджета. Практически полезным было только создание с «нуля» малых и средних предприятий, вне связи с официальной приватизацией.

7. Развал социальной сферы. Остаточное финансирование здравоохранения, образования, социальных пособий, пенсий имело место еще в СССР. Но там оно систематически увеличивалось в плановом порядке. После революции 1991 года социальные цели из уважения к «Вашингтонскому консенсусу» упоминались в программах реформ. Но секвестр бюджетных расходов всегда начинался отсюда. О том, что социальная политика является только резервом для экономии и сокращения бюджетного

дефицита, писал министр Е.Г.Ясин [8]. Будучи крупнейшим в стране работодателем, правительство жестко ограничивало рост заработной платы, что приводило к росту бедности. Инфляция сокращала реальное наполнение пенсионных выплат. Вследствие развала производства быстро росла безработица [9]. Деграция социального сектора породила глубокий демографический кризис, рождаемость снижалась, смертность росла. Правительство игнорировало призывы ученых-экономистов к увеличению расходов на поддержание производства, уровня жизни и занятости населения [10].

3. Экономические потери от революции 1991 года и кризиса 1990-х гг.

В связи с 30-летием событий 1990-х годов во многих публикациях подводится баланс приобретений и потерь экономики РФ и некоторых республик бывшего СССР за этот период. Пишется об успешном построении основных институтов рыночной экономики среднего мирового уровня, создании системы государственного регулирования хозяйства. Почти не вызывает дискуссий тезис о создании высокотехнологичной банковской системы, хотя политику ЦБ РФ справедливо критикуют за то, что любую инфляцию, безотносительно к ее причинам, он, как и 30 лет назад, старается подавить монетарным сжатием, усложняя тем самым кредитование и производственную деятельность отечественных предприятий. Отмечается восстановление пострадавших в 1990-е годы отраслей материального производства, в первую очередь оборонного сектора, при стагнации легкой промышленности, прогресс в области использования современных, в том числе IT технологий [11]. Эксперты отмечают ошибки и недоработки в развитии медицины (что отрицательно повлияло на устойчивость населения и экономики к пандемии COVID-19), сфере образования и науки. Важной макроэкономической проблемой остается привязка хозяйства РФ к конъюнктуре мировых цен на нефть, а национальной валютной системы – к доллару и евро.

Аналитики указывают, что лучшим периодом за 30 лет было время восстановительного роста 2000-х годов, который базировался на высоких ценах энергоносителей. Многие авторы называют 2010-е годы «новым застоём» и высказывают мнение о том, что после глобального кризиса 2009 года экономика РФ не смогла восстановить тем-

пы роста, которые наблюдались за 3-5 лет до этого. Потом произошли события на Украине 2014 года, были объявлены финансовые санкции, отрезавшие российские предприятия от мировой кредитной системы и обрушившие курс рубля. После «санкционного» (в определенном смысле геоэкономического) спада производства 2015-2016 года РФ вернулась к слабому росту, но в 2020 г. начался глобальный «ковидный» экономический кризис и перспективы развития нашей страны вновь стали неопределенными.

Для оценки непосредственных последствий революции 1991 года в 1990-е годы и отдаленных последствий, которые по-прежнему влияли на экономическую динамику в 2000-2010-е гг., можно попробовать рассчитать условное недопроизводство ВВП в прошедший период.

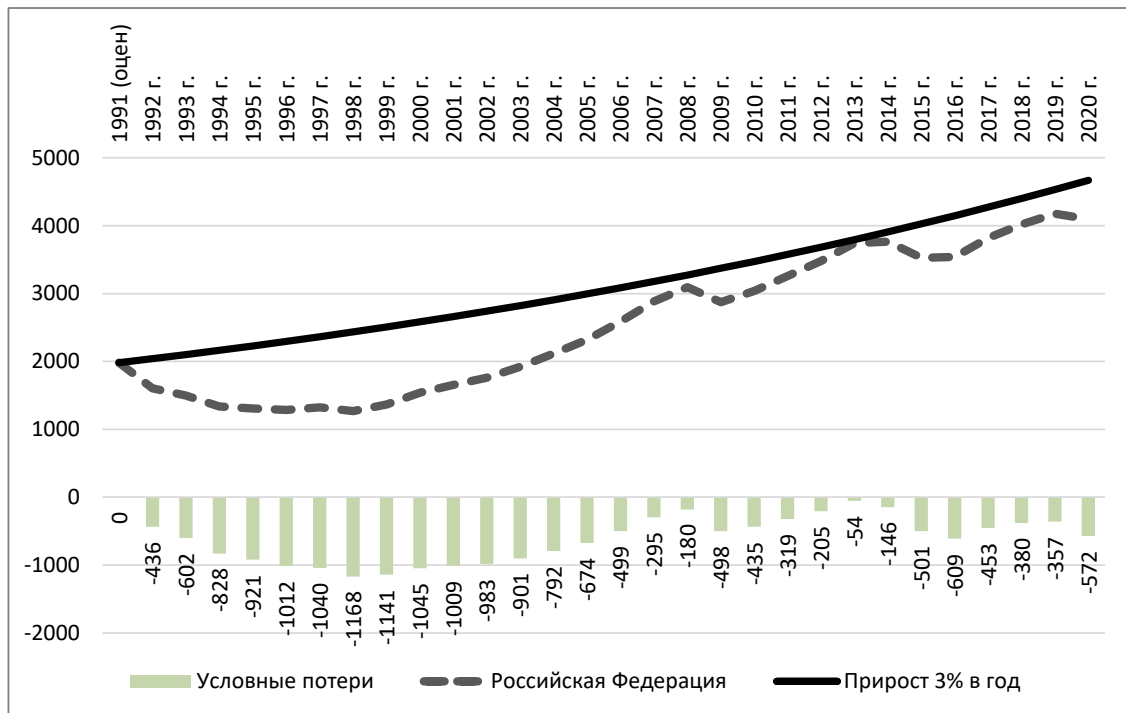
В таблице 1 показан объем ВВП СССР по паритету покупательной способности в 1990 году – 2660 млрд долл., в отсутствие оценок Росстата и МВФ, мы использовали

публикацию ЦРУ США [15]. Согласно этой публикации, несмотря на проблемы конца 1980-х годов, СССР занимал 2 место в мире по ВВП и отставал от США (5233 млрд долл.) менее чем в 2 раза. Для сравнения – по данным МВФ в 2020 г. РФ занимает 6 место и отстает по этому показателю от Китая в 5,9 раза и от США в 5,1 раза, то есть уже не может претендовать на статус глобальной экономической сверхдержавы.

Далее в таблице приведены данные МВФ по республикам бывшего СССР, каждая из которых прошла свой путь по дороге кризиса в 1990-е гг., лучше других его прошли небольшие по численности населения страны, являющиеся экспортерами природных ресурсов и республики Прибалтики, получившие массивную экономическую помощь из Европейского Союза. В целом 15 стран суммарно имеют ВВП в 2020 году 6243 млрд долл. Единое государство с таким ВВП могло бы занимать 4 место в мировом рейтинге.

Валовой внутренний продукт в странах бывшего СССР, по паритету покупательной способности (данные МВФ) и расчеты условного недопроизводства (потери) за 1991-2020 гг.

Страна	1990 г	1992 г	2000 г	2010 г	2020 г	Рост ВВП за 1992-2020 гг.
	миллиардов долларов					раз
Азербайджан		32,8	28,6	135,2	145,8	4,45
Армения		5,6	8	21,6	39,4	7,04
Белоруссия		50,8	58	145,8	189,9	3,74
Грузия		-	12,7	28,7	55,3	-
Казахстан		120,5	115,1	313,8	501,3	4,16
Киргизия		9,2	9,2	16,8	32,8	3,57
Латвия		15,9	21,1	37,7	60,1	3,78
Литва		-	34	64	108,6	-
Молдова		13,1	9	18,3	33,7	2,57
Россия		1604,4	1539,6	3038,7	4096,5	2,55
Таджикистан		8,1	6,6	17,5	34,8	4,30
Туркменистан		12	11,7	49,9	98,2	8,18
Узбекистан		46,6	61,6	146,4	252,6	5,42
Украина		331,4	202,1	378,2	543,8	1,64
Эстония		-	17,4	30	50,2	-
15 стран бывшего СССР	2660		2134,7	4442,6	6243	
Мировой рост на 3% в год					2,43 раза	
Гипотеза роста на 3% в год	2660	2822	3575	4804	6464	
ПОТЕРИ за 1991-2000 гг.			11444			
ПОТЕРИ за 1991-2020 гг.					19477	

Условное недопроизводство ВВП (ППС), млрд долл. США по отношению к гипотетическому тренду с темпом прироста 3% в год

Для расчета условных потерь (недопроизводства ВВП) предположим, что в 1991-2020 гг. экономика единого СССР росла бы медленнее глобальных лидеров, но выдерживала среднемировой темп в 3% годовых. Это представляется вполне реальной гипотезой, так как в 2000-е годы РФ росла значительно быстрее 3% в год. Накопленное по годам отставание реального роста по 15 странам от гипотетического тренда 3% прироста составило за 1990-е годы 11,4 трлн долл. и за 30 лет 19,5 трлн долл. Это можно назвать условным недопроизводством ВВП, или потерями от распада СССР.

Оценка по данной методике потерь РФ показана на рисунке. Потери ВВП по Российской Федерации в 1991-2000 гг. составили 8,2 трлн долл. и в 1991-2020 гг. 18,1 трлн долл. Это и есть, по нашему мнению, «цена» революции 1991 года для РФ.

Заключение

В данной работе мы сделали попытку решить следующие научные задачи:

В генезисе каждого кризисного явления выделять совокупность факторов и отдельно анализировать каждый из них. Например: «рост безработицы в 1990-е годы был вызван спадом производства в результате рас-

пада хозяйственных связей. Ее увеличение было детерминировано низким уровнем координации и менеджмента, негативно повлияли монетарное сжатие, вывоз капитала и дефицит инвестиций. Рост бюджетных расходов способствовал смягчению кризиса занятости и при этом не вызывал роста инфляции (которая детерминировалась другими факторами). Приватизация не повлияла на безработицу, потому что она не сопровождалась ростом производительности труда». В общем, целесообразна фрагментация каждого кризиса на отдельные «субкризисы» и факторный анализ детерминации каждого из них.

Анализировать спектр последствий каждого политического изменения и каждой из реформ, осуществленных в стране в конкретный период. Например: «либерализация ценообразования была необходима для высвобождения ранее накопленного латентного избытка денежной массы и скрытой инфляции и в перспективе должна была сделать цены стабильными, но ее нельзя было проводить сразу после геоэкономического шока, разрушившего хозяйственные связи и обвалившего производство». Потому что либерализация цен может быть нормально реализована в условиях стабильного, или

растущего производства. В условиях постреволюционного распада хозяйства она углубляет этот распад, создавая нисходящую спираль негативных событий.

Реформы РФ в 1990-е годы необходимо ретроспективно протестировать на совместимость с революцией 1991 года. И разделить не только на шоковые и эволюционные, завершённые и незавершённые, а на те реформы, которые усиливали первоначальный геоэкономический удар и этим растягивали

спад производства на много лет, те реформы, которые не углубляли распад, то есть осуществлялись параллельно по времени, но не приносили вреда, и те реформы, которые способствовали восстановлению разрушенного хозяйства.

На наш взгляд, предлагаемый подход должен «реабилитировать» реформы 1990-х годов, отделив зерна институциональных реформ от плевел разрушительной революции 1991 года.

Библиографический список

1. Schuler Kurt. CFS Interviews John Williamson on the Washington Consensus, Exchange Rates, and More. URL: <http://centerforfinancialstability.org/wp/2020/01/28/cfs-interviews-john-williamson-on-the-washington-consensus-exchange-rates-and-more/>.
2. Переход к рынку. Концепция и программа. М., 1990.
3. Сакс Дж. Рыночная экономика и Россия. М.: Экономика, 1994.
4. Ослунд А. Россия: рождение рыночной экономики. М.: Республика, 1996.
5. Указ Президента РСФСР от 03.12.1991 № 297 (ред. от 28.02.1995) «О мерах по либерализации цен». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=156#iEaCunSUfa54yIuP1>.
6. Меморандум об экономической политике Российской Федерации // Российские Вести. 1992. № 9 (42).
7. Российский статистический ежегодник. 1994: статистический сборник / Госкомстат России. М., 1994.
8. Ясин Е. Пересмотр обязательств государства в бюджетной сфере неизбежен // Эксперт. 1997. № 49.
9. Кашепов А.В. Рынок труда в России: регулирование, прогнозы // Экономист. 1993. № 3.
10. Кашепов А.В. Об оценке эффективности политики на рынке труда // Общество и экономика. 2001. № 6. С. 55-81.
11. Кашепов А.В. Трансформация занятости в цифровой экономике // Вестник РосНОУ. Серия «Человек и общество». 2018. Вып. 2.
12. Kornai J. Transformational Recession: the Main Causes // J. of Comparative Economics. 1994. V. 19. № 1.
13. Полтерович В.М. Трансформационный спад в России // Экономика и математические методы. 1996. Т. 32. Вып. 1.
14. Аганбегян А.Г. Новой России – 30 лет. Достижения и упущения (социально-экономический анализ) // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2020. №3-4 (131).
15. Soviet Union Economy – 1991 // 1991 CIA World Factbook.
16. International Monetary Fund. World Economic Outlook Database. April 2020. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/April/weo-report>.